— Папа!

Может, он хотел это услышать?

Поэтому я выпалила это чистым голосом, и лицо Генриха, которое до этого ожесточилось, тут же смягчилось.

— Да, иди.

Генрих удовлетворенно вышел из кабинета.

В комнате остались только я, вздыхающая, и два брата, которые стояли рядом со мной и выглядели так, будто не могли в это поверить.

* * *

Через некоторое время шок двух братьев прошел.

Каждый из них взял меня за руку, и мы вышли.

Я была невысокого роста, поэтому они оба шли, согнув спины, и это было довольно весело, но немного грустно.

— Я… Если вам неудобно, можете оставить мои руки в покое.

— Моя сестра — хорошая девочка! Ты беспокоишься о нас?

— Ты очень маленькая по сравнению с нами, так что это естественно, что мы приспосабливаемся, тебе не стоит беспокоиться.

Ранее атмосфера казалась очень напряженной, но эти два брата были дружелюбны ко мне.

Мы прошли по коридору и посмотрели на улицу через широкое окно.

Смотреть вниз на землю зеленого цвета, на которой растаял снег, было гораздо веселее, чем я думала.

— Вау, это удивительно. Неужели он действительно растопил все это? Я знаю, что магию, затрагивающую климат, можно использовать, только когда достигнешь определенного уровня, и даже если это лишь небольшой участок, вся земля полностью не растает…

Я почти кивнула, когда Камиллан добавил:

— Я думал, отец сошел с ума.

Авель не проявил никакой реакции во время разговора с Генрихом.

Не знаю почему, но я слышала, что он презирает Генриха, так что это должно быть правдой.

«Это, похоже, единственная из вещей, которая осталась такой же, что и в оригинале».

В моей прошлой жизни я достаточно узнала от друзей, как болезненно иметь в семье людей, которые чувствуют себя некомфортно друг с другом.

Хорошо ли, что братья, похоже, не в плохих отношениях?

— Кстати, может, дадим Розетте прозвище? Все дети, которых я встречал в академии, называли сестру домашним именем!

— Это было бы неплохо. Так что ты предлагаешь? Рози? Лотти?

И я рада, что я им тоже нравлюсь. Да, это лучше, чем если бы я им не нравилась.

На протяжении всей прогулки они долго обсуждали мое домашнее имя.

К тому времени, когда мы вышли в сад за замком, мое имя было выбрано — Лотти.

Я немного помялась, потому что оно почему-то звучало смешно.

— Тебе не нравится?

— Ну… Нет.

— Но моя малышка выглядит неважно.

Камиллан хихикнул и ткнул пальцем в мою круглую щеку. Авель оттолкнул его руку, сказав:

— Нельзя трогать лицо ребенка.

Камиллан казался более дружелюбным и общительным, чем я думала, а Авель — грубым, но тоже дружелюбным.

Когда я решила, что они не причинят мне вреда, я, естественно, расслабилась.

Воспользовавшись моментом, я задала вопрос:

— Ну а как мне называть братьев?

— А? Мы можем быть просто старшим братом и средним братом. А третий — это просто младший брат? Без всякой конкретики.

— Тогда я тоже дам вам прозвища.

Мои слова заставили их широко распахнуть глаза.

Это было интересно, потому что их выражения были похожи на людей, которые никогда раньше не слышали о прозвищах. Благодаря этому я сама разразилась смехом.

Я бы тоже назвала себя Лотти — как закуску.

— Мой старший брат… М-м-м-м… Эв!

— Эв…

— Мой средний брат… М-м-м… Милли!

— М-милли?

— Ага. Эв и Милли!

Их прозвища похожи на имена маленьких девочек.

Один из них очень высокий и с мозолями на руках. Другой — юноша, который выглядит хрупким, но не коротышка.

Это было так смешно, что я на мгновение отпустила их руки, закрыла рот и разразилась

смехом. Глаза Авеля стали еще больше, и вскоре он тоже рассмеялся.

Я подумала, что Камиллан сердится, судя по тому, как трясутся его плечи, но он снова подхватил меня на руки и начал кружить.

— Ха-ха-ха. Милли! Мне нравится! Надо же, есть ребенок, который дает мне прозвища! Все пугаются до смерти, когда видят нас! Как и ожидалось, моя сестра — это моя сестра, не так ли?

— Верно, Лотти, но можешь ли ты дать мне прозвище, отличное от «Эв»?

— Ну… Мне нравится «Эв»! — сказала я с широкой улыбкой.

Камиллан закружился и крепко обнял меня, а Авель на мгновение оцепенел. Он улыбнулся и погладил меня по голове.

Как и ожидалось, это была грубая рука, но приятная.

— Да, ничего не могу поделать. Но ты не можешь называть нас так, когда есть другие.

— А почему?

— Потому что мы можем показаться поверхностными.

В этот момент выражение лица Авеля потемнело.

— Мы — злодеи этой империи. Поэтому ты не должна показывать свое внутреннее «Я» другим или делать что-то, что заставит их смотреть на тебя свысока. Ясно?

По этим словам можно было сразу определить, как Генрих воспитывает своих сыновей.

В обстановке оригинального произведения он строго учил своих детей «быть непобедимыми», как сказал Авель.

В результате отношения с сыновьями были очень плохими, но он, безусловно, преуспел в своих намерениях.

Теперь никто не мог смотреть свысока на семью Венсгрей, которая стала самой злой семьей в империи как по слухам, так и на самом деле, или относиться к ним безрассудно.

— Это естественно, когда к тебе относятся легкомысленно.

Но это хорошо подходит только для роли злодея.

Мне немного жаль их за то, что они оказались в изоляции из-за страха людей, разве я не права?

Теперь, когда я из той же семьи, что и они, будет немного больно, если другие будут бояться моей семьи.

— ...О, я была неосторожна.

Но Авель поспешно сказал, присев передо мной на уровне моих глаз.

— Прости меня, Лотти. Я уже слышал от слуг о том, что тебе пришлось пережить... Твой старший брат сболтнул лишнего.

— А? О...

Казалось, он слышал о графе Семонде. Должно быть, он вспомнил это, когда говорил: «Мы можем показаться поверхностными».

Авель, наклонился ближе, взял меня за руки и сказал:

— Если мои слова напомнят тебе о плохих воспоминаниях, ты простишь меня?

Я нервно сглотнула.

Самый дерзкий злодей в оригинале, Генрих, и его первый сын, Авель.

Если я правильно помню, Авель был самым жестоким персонажем, не уступавшим Генриху среди злодеев оригинала.

http://tl.rulate.ru/book/49139/1731435